

Вскинув голову и взглянув на пышные, слегка холодные и прекрасные цветы, усыпавшие ветви, Вэнь Ланьшу тут же спросил:

— Боцман Бань, помимо тех странных историй о пожирающей людей Призрачной Гуаньинь, о которых вы только что упомянули, ходили ли в здешних местах какие-нибудь другие слухи?

Услышав это, лодочник немного задумался, а затем ответил:

— Было дело. Аккурат после той жуткой истории с пожирающей людей Призрачной Гуаньинь в Деревне Наньпин внезапно разразилась осенняя поветрие. Болезнь свирепствовала страшная, много народу полегло! Ох, и без того хворь изрядно извела сельчан, но не успела она пойти на убыль, как нагрянула другая напасть — стихийное бедствие, наводнение. Говорят, вода поднялась выше трёхметровых навесов крыш, а запасы зерна и целебных трав смыло в один миг. Вот люди там кто мрёт, а кто бежит; те же, кто остался в селении, теперь по пальцам пересчитать можно.

Праведная Гуаньинь милосердна ко всем живым существам. Призрачная Гуаньинь навлекает беды на простой народ.

Не ожидал я, что после истории с пожирающей людей Гуаньинь на Деревню Наньпин обрушилось столько бедствий, размышлял про себя Вэнь Ланьшу. Всякое противоестественное событие таит в себе зловещий умысел. Неужели почитаемая в тех краях Гуаньинь Мира Лотосов и впрямь не спасительница мира, а вестница хаоса и разрушений?

Пока они беседовали, сидевший рядом юноша с мягкой улыбкой на губах и любопытным блеском в миндалевидных глазах посмотрел на Вэнь Ланьшу и произнёс:

— В этой истории с пожирающей людей Призрачной Гуаньинь наверняка кроется какой-то подвох. Почему бы нам не отправиться туда вместе и не разобраться во всём самом?

Его речь звучала чётко и веско. В словах сквозило три части любопытства, три части уверенности и ещё... три части неподдельного веселья. Вэнь Ланьшу поднял голову и молча посмотрел на красивое лицо юноши, на котором едва заметно играло странное, радостное выражение. На мгновение он растерялся, но тут же всё понял.

И правда...

В этом мире всякий, кто, узнав о подобных загробных делах, способен оставаться в стороне и избегать неприятностей, попросту не имеет права зваться ни адептом бессмертного пути, ни странствующим героем цзянху.

Драгоценная встреча послана небесами, перед лицом судьбы страх неведом. Вот уж поистине: тысяча ли не преграда для тех, кому суждено встретиться, а те, кому нет судьбы пересечься, не узнают друг друга, даже столкнувшись лицом к лицу.

Те же, кто носит в сердце заботу о простом народе, и те, кто вечно рад сунуть нос в чужие дела, неизменно сойдутся вместе, разделяя их хоть тысяча ли.

Вечерний ветерок коснулся тонких прядей у ушей, и оба одарили друг друга таинственными, мягкими и чистыми улыбками. Спустя мгновение Вэнь Ланьшу с лёгким вздохом улыбнулся,

снова вскинул голову и мягко проговорил:

— Случайные путники встречаются на дороге, идущие разными путями шагают в ногу — должно быть, это и есть судьба.

Окружённые цветущими персиковыми рощами, они плыли вперёд по водной глади. Путь сопровождался оживлённой беседой: спутники рассуждали о трёх путях загробного мира, толковали о смертных божествах и боевых искусствах, а также совместно анализировали жуткую историю с пожирающей людей Призрачной Гуаньинь.

Вэнь Ланьшу заметил, что этот молодой господин Чжань, прибывший сюда набираться опыта, внешне держится непринуждённо и изящно, но при этом обладает на редкость любо Нравом и с большим воодушевлением отзывается о делах трёх миров — богов, призраков, людей и духов. И в этом их взгляды полностью совпадали.

Густые ветви по берегам постепенно редели. Лунный свет, прежде скрытый листвой, теперь широким потоком лился вниз, заставляя речную гладь мерцать кристальным блеском, зелёным, как нефрит.

— Приехали, приехали! — крикнул лодочник, упираясь шестом в дно, когда нос лодки наконец уткнулся в берег.

Услышав это, Вэнь Ланьшу обернулся и увидел, что сходни легли на землю у каменного моста на противоположном берегу. На прибрежном пограничном камне чётко выделялись три иероглифа: поместье Цзюньтун.

Вэнь Ланьшу произнёс:

— Поместье Цзюньтун, Берег Цзюньтун — наконец-то мы на месте.

Он поднялся на ноги, отряхнул рукава, снова закинул за спину бамбуковый коробок, достал из парчового мешочка небольшую лунку серебра и протянул лодочнику. На его лице играла мягкая улыбка:

— Большое спасибо, дедушка боцман. Уже поздно, возвращайтесь назад с осторожностью.

Следом за ним легко поднялся и сидевший рядом молодой господин Чжань. Мимоходом прихватив оставленный на столике узелок и держа в руке веер на красном шнуре, он протянул лодочнику слиток серебра, после чего последовал за Вэнь Ланьшу на берег.

Приняв серебро и рассыпавшись в благодарностях, лодочник произмолвил:

— Молодые господа, нынче снова седьмой месяц, кругом хоть глаз выколи. Ни в коем случае не ходите в Деревню Наньпин! Ох, место это гиблое, от него так и разит злой силой.

Услышав предостережение, Вэнь Ланьшу и молодой господин Чжань почтительно поклонились в знак благодарности, перешли по сходням и ступили на мост. Бросив прощальный взгляд на берег, лодочник тяжело вздохнул, испуганно огляделся по сторонам, опасаясь внезапного появления диких духов из заброшенных мест, и поспешно погнал лодку обратно.

Стоило ступить за мост, как перед ними предстало поместье Цзюньтун. Но вокруг царила ночная тьма, улицы заброшенного селения не освещались ни фонарями, ни свечами. К

счастью, луна щедро заливала всё серебряным светом, позволяя Вэнь Ланьшу и его спутнику разглядеть дорогу.

Подойдя к каменным воротам города-поместья, они увидели сухие, разросшиеся ветви и повсеместное запустение. Внутри не чувствовалось ни малейшего признака живого человека, а в сгущавшемся мраке витал слабый дух зловещей нечисти. Окинув всё взглядом, Вэнь Ланьшу подошёл к маленькой кумирнице местного божества-покровителя у арки, достал несколько талисманов и наклеил их прямо на фасад святилища.

Бумажные обереги вспыхнули золотым светом — сила божества давала о себе знать.

Сойдя с лодки, А Чжань зашагал рядом с Вэнь Ланьшу. Заметив, что тот прилепляет талисманы к кумирнице, он с любопытством спросил:

— Брат Ланьшу, так ты, оказывается, адепт бессмертного пути? Неудивительно, что тебя так интересует дело о пожирающей людей Гуаньинь. Но это поместье Цзюньтун совсем заброшено, судя по виду, сюда уже давно никто не заглядывал. Неужели ты заметил что-то необычное?

Вопрос звучал просто, но по тону А Чжаня Вэнь Ланьшу уловил скрытый интерес. Подумав, что этот молодой господин — поистине беззаботный и любознательный юноша, он ответил:

— Это поместье опустело уже давно, и здесь нет ни души, но в самом воздухе разлита злая сила. Сейчас как раз полночь на улице призраков, и если мои предчувствия верны, совсем скоро, когда мы пойдём через городок, нам непременно встретится что-то странное.

Немного помедлив, он добавил:

— Но если ты заранее знаешь, что путь к расследованию дела о пожирающей людей Гуаньинь в Деревне Наньпин неизменно опасен, и всё равно хочешь докопаться до истины... неужели молодой господин Чжань тоже практикует боевые искусства или заклинательства?

Новая попытка прощупать почву.

— Я не умею драться.

— ?

— И владеть заклинаниями тоже не умею.

Они шли плечом к плечу, и после всего двух фраз молодого господина Чжаня Вэнь Ланьшу на мгновение остолбенел.

И впрямь не умеет драться? И совсем не владеет даосизмом? В эпох, когда кругом бесчинствуют трупные демоны, ты в одиночку явился в столь зловещие места набираться опыта — и заявляешь мне, что не знаешь боевых искусств?! И даже заклинаниям не обучен?!

Поскольку молодой господин Чжань был чуть выше ростом, Вэнь Ланьшу поднял на него голову и мягко улыбнулся. Тот в ответ тоже одарил его скрытой улыбкой. На секунду показалось, что за этим мягким выражением лица скрывается нечто совершенно непостижимое, как вдруг оба одновременно рассмеялись.

Отсмеявшись, Вэнь Ланьшу заглянул в его весёлые глаза и сам улыбнулся так легко, словно весенний ветер. Но под этой безмятежной внешней оболочкой всё равно чувствовалось нечто неуловимое — не только праздная непринуждённость, но также задор и таинственность. К этому красивому и занимательному юноше Вэнь Ланьшу проникся искренней симпатией, а потому весело бросил:

— Раз уж А Чжань действительно не владеет ни боевыми искусствами, ни даосизмом, впредь я буду защищать тебя.

А Чжань, а не молодой господин Чжань.

То ли из-за этого внезапного и неожиданно близкого обращения, то ли по какой-то иной причине, но юноша на секунду замер, а затем ответил:

— Хорошо, условлено.

Ась?!

По мере того как они продвигались вперёд, улица уводила их в глубь погруженного во мрак и совершенно безлюдного города. Спутники миновали пересечение путей: вокруг не было ни единого фонаря, лишь струился лунный свет, заливая всё вокруг серебром. Потрепанные вывески винных лавок тихо раскачивались от ветра, опрокинутые деревянные стулья у чайных навесов валялись на земле — всё это создавало ощущение полного одиночества посреди дикой глуши, жуткой и зловещей.

— У-у... у-у... —

И тут, пока они шли плечом к плечу и непринужденно беседовали, из угла обветшалой винной лавки на улице донесся плач.

А Чжань спросил:

— Брат Ланьшу, ты слышал? Что это за звук?

Окинув взглядом окрестности, Вэнь Ланьшу заметил хрупкую женскую фигурку в приседе возле чайного столика. Белая верхняя одежда, длинная юбка с бледно-желтыми рукавами — это была девушка.

— Это... девушка, — тихо произнес Вэнь Ланьшу, подходя ближе. — Девушка, сейчас глубокая ночь, вам нездоровится?

Ответа не последовало: сидевшая на корточках фигура хранила полное молчание. Казалось, она даже не желала слышать голос Вэнь Ланьшу, продолжая упрямо прятаться в темном углу.

Тогда Вэнь Ланьшу позвал снова:

— Девушка? Девушка? — Он протянул руку и легко коснулся ее плеча, после чего та медленно повернула голову.

Стоило ее лику попасть в поле зрения, как Вэнь Ланьшу и А Чжань одновременно замерли от изумления: перед ними была вовсе не живая девушка, а остаточная душа, смятенный дух умершего насильственной смертью человека.

Глаза ее запали глубокими ямами, запекшиеся кровавые дорожки пересекали лицо, уголки рта были в запекшейся крови, а белое одеяние и желтая юбка сплошь покрыты темными пятнами чужой крови.

Глядя на нее, Вэнь Ланьшу видел лишь жалкий сгусток остаточной души, одиноко рыдающий среди живых, и сердце его сжималось от боли. Он не смел и вообразить, какой ужас и беспомощность испытала эта несчастная в момент гибели и теперь, застряв между мирами в образе растерянного духа. Тяжело вздохнув, он подумал о том, что раз здесь объявились злые духи, значит, в самом поместье Цзюньтун обитает не одна лишь эта тварь. Столкнись они здесь неожиданно со скверными детьми, хлопот не оберешься. Поразмыслив так, Вэнь Ланьшу сказал:

— Душа этой девушки рассеяна и неполна, но, судя по ее ранам, трудно даже представить, через что ей пришлось пройти при жизни, раз она...

Внимательно разглядывая остаточную душу, он заметил, как ее лишённые зрачков глазницы слегка дрогнули — будто она изо всех сил пыталась ощутить внешний мир, но черные пустые провалы глаз не могли разглядеть ровным счетом ничего. При этом рот девушки оставался полуоткрытым, то ли собираясь что-то сказать, то ли...

Заметив это, А Чжань спросил:

— Брат Ланьшу, ты посмотри на ее рот.

Переведя взгляд на лицо покойницы, Вэнь Ланьшу увидел ее полуприоткрытые губы. При свете луны он разглядел, что во рту у нее что-то зажато, и удивленно произнес:

— Что это?

Затем он медленно протянул руку, легонько оттянул край ее подбородка и присмотрелся повнимательнее:

— Это... цветок?..

— Цветок? Почему у нее во рту зажат цветок?

Вэнь Ланьшу покачал головой:

— Я... я не знаю...

Выходит, ее рот не закрывался не потому, что она умерла с зажатым во рту предметом при жизни или сразу после гибели, а потому, что по мере того, как душа рассеивалась, ее крошечный остаток уже не был способен мыслить, и из-за постороннего предмета во рту этот обрывок души так и застыл с полуоткрытым ртом.

Но почему в ее рту оказался цветок? Сделала ли она это сама или кто-то другой? Это

оставалось загадкой.

Однако судя по небесам, ночь уже вступила в свои права. Бросив взгляд на темные, лишенные света окрестности и ощутив толику зловещей жути, Вэнь Ланьшу понял, что здесь нельзя оставаться ни минуты.

— В седьмой месяц ночные прогулки до добра не доводят, — произнес он. — А Чжань, давай сначала выберемся из этого города, а потом поговорим обо всем подробнее.

Услышав это, А Чжань бросил на Вэнь Ланьшу взгляд и мягко ответил:

— Хорошо.

Гуаньинь, Плачущая Кровью

Содержимое всё ещё обрабатывается, пожалуйста, подождите немного.

Сначала услышав о Призрачной Гуаньинь из Наньпина — 1

Вэнь Ланьшу и А Чжань осторожно пробирались по улицам поместья Цзюньтун. Повсюду валялся всякий хлам, сломанные вывески чайных перегораживали дорогу, куски свернутых циновок валялись где попало. Из-за излишне жуткой и заброшенной атмосферы этого места Вэнь Ланьшу, оглядываясь по сторонам, едва не споткнулся о какую-то рухлядь.

К счастью, расторопный А Чжань тут же схватил его за руку и тихо сказал:

— Осторожнее.

Благодаря этому Вэнь Ланьшу не пришлось целовать землю. Но почему-то, едва удержав его, А Чжань тут же отдернул руку, словно испытывал отвращение к телесным контактам. На улице царил полный кавардак, фонарей не было и в помине, а тусклый лунный свет выхватывал из тьмы лишь узкую полоску дороги под ногами, скрывая весь остальной мусор.

Ступая неторопливо, но с предельной осторожностью, они миновали перекрестки поместья Цзюньтун и наконец выбрались из заброшенного города. Перед ними предстала Деревня Наньпин.

У входа в Деревню Наньпин возвышалась высеченная из камня статуя Гуаньинь. Вот только изваяние это было изуродовано — казалось, его нарочно разбили.

Каменная статуя была невысокой, но исполненной с большим искусством: даже теперь, в поврежденном и расколоте виде, все еще можно было разглядеть тонкие складки одеяний небожительницы, изящные пропорции ее тела, рубиновые серьги в ушах и цветок лотоса, который она бережно держала в обеих руках. Выглядело все это донельзя живо.

Глядя на это изваяние, было нетрудно догадаться, с каким благоговением жители Деревни Наньпин некогда почитали Гуаньинь Мира Лотосов.

Неподалеку тускло меркал огонек выцветшего фонаря, освещая придорожный столб с названием селения. Вэнь Ланьшу вгляделся в иероглифы и сказал:

— Деревня Наньпин. Похоже, мы на месте.

Бросив взгляд на деревенскую улицу, они увидели лишь редкие дома. Селение словно зажалось в тиски кольцо высоких гор; в бледном лунном свете деревья казались сухими, а вода — черной. Одинокие флаги маленьких чайных лавочек уныло трепетали на ветру, а редкие фонари у дворов бросали слабый свет на плотно закрытые двери и ставни окон.

Оценив обстановку, А Чжань заметил:

— Фэншуй здесь отвратительный.

Вэнь Ланьшу повернул голову:

— Вокруг горы, клубится затаенная обитель нечисти — и впрямь место, где водятся злые духи. Но разве А Чжань разбирается в фэншуй?

А Чжань улыбнулся:

— Нет, я просто к слову упомянул.

Вэнь Ланьшу тоже улыбнулся:

— Просто к слову? Впрочем, ты прав.

С этими словами они вошли на деревенскую улицу и сразу почувствовали некоторую зловещую сырость. Здесь не было такого запустения, как в поместье Цзюньтун, но стояло вечернему ветерку коснуться ушей, как Вэнь Ланьшу ощутил неприятное веяние нечистой силы.

Пройдя по главной улице, они не встретили ни души. Однако время приближалось к полуночи, на дворе стоял седьмой месяц — пора призраков, да еще в столь гиблом месте, кишасшем нечистью. Разумеется, каждый дом наглухо запирал двери, спасаясь от диких духов, способных внезапно вломиться к людям. Вэнь Ланьшу произнес:

— Судя по всему, постоялый двор нам сегодня отыскать не удастся. Может, поищем какой-нибудь угол, где можно укрыться от ветра, да переждем там ночь?

Произнеся это, Вэнь Ланьшу тут же почувствовал укол совести. Ему стало неловко перед этим юношей: ладно бы он путешествовал один, но по манерам и благородной стати А Чжаня нетрудно было догадаться, что он — молодой господин из богатой семьи. Разве гоже ему спать прямо на улице?

Однако А Чжань ответил:

— Мне всё равно.

Мне всё равно — прозвучало легко и беззаботно.

Вэнь Ланьшу даже не нашелся, что почувствовать на это, и молча двинулся вперед. Вскоре на другой стороне улицы они заметили дом, в окнах которого еще теплился тусклый свет — похоже, хозяева не спешили отходить ко сну.

— Ого, здесь еще горит свет.

Вэнь Ланьшу медленно приблизился, поднял руку и двумя пальцами легко постучал в дверь, громко окликнув:

— Есть кто в доме?

Никто не ответил. Вэнь Ланьшу бросил взгляд на А Чжэня, постучал еще дважды и произнес:

— Хозяева, отзовитесь!

Сразу после этого за дверью послышался шорох шагов, и спустя мгновение створки медленно открылись. Перед ними предстал юноша лет шестнадцати-семнадцати в темно-синем длинном халате с белым воротником и белыми обшлагами.

Окинув обоих быстрым взглядом, он спросил:

— Уважаемые молодые господа, что-то стряслось?

Вэнь Ланьшу мягко улыбнулся и учтиво ответил:

— Простите за беспокойство, молодой господин. Мы держим путь через вашу деревню, но уже совсем темно, кругом ни огонька, а впотьмах недолго и сбиться с дороги. Нельзя ли нам побеспокоить вас и передохнуть у вас до утра?

Юноша оглядел их с ног до головы. Оба выглядели уставшими с дороги, а их одежды вовсе не походили на те, что носили местные жители. Однако наступала ночь, остальные дома уже давно заперли двери и легли спать, а эти двое явно заблудились и оказались здесь без ночлега. Немного подумав, он произнес:

— Вот как... Впрочем, это жилище — не мой собственный дом, но если уважаемые господа не брезгуют, не желаете ли передохнуть под моей крышей?

Вэнь Ланьшу на секунду опешил. Он думал, что раз они появились здесь неожиданно-негаданно, их непременно прогонят. Но стоявший перед ним юноша оказался на редкость ладный и сдержанный, а голос его звучал приятно и низко. Раз уж человек проявил такое добросердечие, Вэнь Ланьшу ответил:

— В таком случае мы утрудим вас.

— Не стоит благодарности, прошу, подождите, пока я всё соберу, — ответил юноша и

повернулся обратно.

Через приоткрытую деревянную дверь Вэнь Ланьшу увидел, как парень собирает со стола какие-то склянки и баночки. Переведя взгляд правее, он заметил пожилого мужчину, который лежал на кровати, укрывшись тонким одеялом — судя по бледному лицу, тот был тяжело болен.

Ах вот оно что! Этот серьезный юноша оказался лекарем. Неудивительно, что посреди ночи его не было дома — он пришел сюда, чтобы лечить больного. Какой молодой, а уже сведущий врач!

Заметив, что юноша закончил сборы, подошел к больному, поправил одеяло и тихо о чем-то попросил его, он развернулся, вышел за порог и прикрыл за собой дверь:

— Ну что ж, пойдете.

А Чжань стоял рядом с Вэнь Ланьшу. Проходя мимо, юноша-лекарь привлек его пристальное внимание. Высокий, стройный стан, каштаново-черные волосы до поясницы, за плечом висит аптекарский коробок, а в руке — фонарь. Шагая за удаляющейся фигурой лекаря по прямой улице, им оставалось только поспевать следом.

Вэнь Ланьшу нес за спиной бамбуковый короб, А Чжань волок свой узелок. Переглянувшись, они последовали за юношей вглубь деревенских улиц.

Миновав широкую дорогу и свернув за угол, троица подошла к простому и незатейливому дому среднего размера. Вэнь Ланьшу поднял голову: над входом не было никакой вывески, строение ничем не отличалось от обычного жилого дома — если не знать заранее, ни за что не догадаешься, что здесь лечат людей. Юноша отпер дверь, вошел внутрь и зажег фонарь:

— Проходите.

Вэнь Ланьшу и А Чжань вошли вслед за ним в небольшое помещение.

Внутри лавки ярко горел свет фонаря. Прямоугольный стол и четыре длинные скамьи стояли безупречно ровно, чашки на столе были расставлены с идеальным порядком. Слева располагался деревянный прилавок, за которым виднелся шкаф с лекарственными травами.

Пройдя за прилавок, юноша положил на него тяжелый короб, откинул крышку и привычным движением расставил по местам баночки и склянки. Затем он зажег стоящую справа от прилавка масляную лампу, достал из шкафа нужные травы и одновременно произнес:

— Уважаемые господа, чувствуйте себя как дома. Жилище мое убогое, надеюсь, вы не станете жаловаться на тесноту.

Вэнь Ланьшу подошел к столу и мягко ответил:

— Благодарим вас, молодой господин, здесь очень уютно. Как вас величать?

— Моя фамилия Лан, а второе имя — Хуайцин. Все сельчане зовут меня лекарем Ланом.

Услышав это, Вэнь Ланьшу с улыбкой отозвался:

— Вот оно что, лекарь Лан! А меня зовут Вэнь, второе имя — Ланьшу. Счастлив знакомства.

Повернувшись к А Чжаню, он увидел, что тот, заложив руки за спину, прислонился к стене и с любопытством озирается по сторонам.

— А это мой спутник, можете звать его просто А Чжань.

А Чжань повернул голову и небрежно бросил:

— Извините за беспокойство.

Лан Хуайцин коротко хмыкнул в ответ:

— Располагайтесь, где удобно. Нынче летняя пора, нужно беречься от поветрий и болезней. Простите, что не смогу уделить вам много внимания, надеюсь на ваше понимание.

С этими словами он достал из аптечки свиток и вновь с головой ушел в сортировку трав.

Вэнь Ланьшу с мягкой улыбкой произнес:

— Лекарь Лан излишне вежлив, мы и так нагрянули посреди ночи, доставив вам немало хлопот.

Закончив говорить, он пристроил свой бамбуковый короб на свободную длинную скамью. А Чжань, всё так же опираясь спиной о деревянную стену и оглядев помещение, поинтересовался:

— Скажите, найдется ли в вашем доме местечко, где можно прилечь отдохнуть?

Услышав это, Вэнь Ланьшу повернулся и окинул взглядом комнату. Обстановка и впрямь была самой простой и спартанской. С другой стороны, это ведь лечебница, а не постоянный двор, постелей здесь быть не должно. Посмотрев на стол, он подумал, что подремать за ним пару часов тоже вполне сойдет.

В этот момент Лан Хуайцин вышел из-за прилавка и ответил:

— Найдется. Только, к сожалению, кровать всего одна.

Он шагнул вглубь внутренней комнаты лавки и зажег масляную лампу, осветив скромную обстановку: здесь стояли стол, две длинные скамьи и деревянная кровать.

Постель выглядела чистой, подушка и одеяло были аккуратно сложены. Судя по всему, в этом доме жил лишь один Лан Хуайцин. А поскольку он был лекарем и вечно пропадал на вызовах, отдыхать здесь ему приходилось нечасто.

Лан Хуайцин сдержанным голосом проговорил:

— Время позднее, и приготовить второе ложе я уже не успею. Не будут ли уважаемые господа возражать против того, чтобы разделить одну постель на двоих?

Шагнув следом во внутреннюю комнату, Вэнь Ланьшу сказал:

— Большое спасибо, лекарь Лан.

Затем он бросил взгляд на А Чжана и спросил:

— А Чжань... ты не против?

А Чжань равнодушно бросил:

— Мне всё равно.

Убедившись, что все согласны, Лан Хуайцин вышел из спальни. Сохраняя невозмутимую вежливость, он прошел мимо Вэнь Ланьшу, на ходу закрыл входную дверь на засов и вернулся к прилавку разбирать травы.

Раз уж кровать всего одна, Вэнь Ланьшу озадаченно спросил:

— Если всё обстоит так... то где же собираетесь отдыхать этой ночью вы, лекарь Лан?

<http://bllate.org/book/19318/1889650>